

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

РАЗУМ И ВЕРА: ВЗГЛЯДЫ КОТТОНА МЕЗЕРА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И РЕЛИГИИ

И.Ю. Хрулева, Е.С. Волкова

Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, Россия, 119992

В статье исследуется период конца XVII – начала XVIII в. в истории Новой Англии, когда под влиянием новой науки и философии Просвещения в идейном и интеллектуальном климате происходили серьезные изменения. Авторы анализируют взгляды Коттона Мезера (1663–1728) на проблему взаимоотношений науки и религии. Пуританский священник одним из первых на американском континенте воспринял новую науку и философию, попытавшись использовать последние научные достижения для укрепления основ пуританской веры.

Ключевые слова: Новая Англия, Массачусетс, пуританизм, Коттон Мезер (1663–1728), Просвещение.

Знание, лишенное религиозного рвения, не является знанием, но и рвение, лишенное знания, – это всего лишь огонь пожирающий...

Джон Коттон. «Христос Источник Жизни» (1628)

Коттон Мезер – одна из наиболее известных, ярких и вместе с тем противоречивых фигур колониального периода американской истории (1). Родившийся в Новой Англии и выросший в семье потомственных проповедников (2), К. Мезер стал свидетелем и участником ключевых событий политической, духовной и интеллектуальной жизни.

В конце XVII – первой четверти XVIII в. в колониях Новой Англии происходят существенные изменения в политической сфере. С принятием новой хартии 1691 г. меняется политический статус колонии Массачусетс, ставшей отныне королевской провинцией. Новый этап в истории Массачусетса, позиционировавшего себя единственным оплотом «истинной» веры, ознаменовал собой рост вмешательства английской короны во внутренние

дела колонии и, как следствие, усиление английского влияния не только в политической, но также в духовной и интеллектуальной сферах.

Рубеж веков можно считать переломным не только благодаря важным преобразованиям социально-политического характера, произошедшим вследствие Славной революции в Англии. Данный период особенно примечателен серьезными изменениями в идейном и интеллектуальном климате. В начале XVIII в. в Европе значительное распространение получают идеи Просвещения. Главной особенностью просветительского мировоззрения можно считать приоритет разума над верой, рационалистического мировоззрения над божественным откровением.

В большей или меньшей степени влиянию новых научных и философских идей подверглись и в Новом Свете, при этом неудивительно, что наибольшим авторитетом в североамериканских колониях пользовались работы представителей английского Просвещения.

Именно в этот период в Англии, а вслед за ней и в колониях происходит постепенная трансформация мировоззренческих представлений, основанием для которой служат многочисленные исследования и открытия, совершенные в области естественнонаучного знания. Несомненно, наибольшая заслуга в этом принадлежит английскому ученому, философу и естествоиспытателю Исааку Ньютону (1643–1727). Публикация в 1687 г. его главного труда «Математические начала натуральной философии», получившего широкую известность как в метрополии, так и в колониях, с одной стороны, стала своеобразным итогом периода, известного в истории, как научная революция, а с другой стороны, определила вектор развития естественнонаучного знания на многие годы вперед.

Ценность рационального начала, основанного на убеждении в том, что в мире есть установленная закономерность, а также причинная обусловленность процессов и явлений природы, которую человек способен познать, опираясь на свой разум, приобретает первостепенное значение. Главным научным и философским методом признается принцип эмпиризма, признающий наиболее достоверным то знание, которое дается с помощью непосредственного наблюдения и опыта. Своеобразным девизом становится высказывание Ньютона: «Все, что не следует из явлений, должно быть названо гипотезами, а гипотезам, будь то метафизические или физические, оккультные или механистические, нет места в экспериментальной философии» (3).

Однако первенство разума перед верой вовсе не означало прямолинейного отхода мыслителей от вопросов религиозного содержания.

Именно в этот период проблема взаимоотношения научного знания и религии приобретает наибольшую актуальность и новое звучание. К ней обращаются и И. Ньютон, и английские просветители Дж. Локк (4) и Дж. Толанд (5), чьи философские изыскания были хорошо известны не только в Англии, но и в колониях. Что же касается Новой Англии и, в частности, колонии Массачусетс, то здесь вопрос о взаимоотношении естественнонаучного зна-

ния и религии представляется еще более актуальным. Влияние новых философских и научных идей ощутили на себе даже ортодоксальные пуритане.

На первый взгляд может показаться, что распространение естественно-научных знаний должно было стать своеобразным вызовом и испытанием для пуританской веры и как следствие вызвать негативную реакцию со стороны священнослужителей. Однако в действительности новоанглийские священники живо интересовались наукой и считали научные методы пригодными для того, чтобы с их помощью познать и прославить величие Бога.

В начале XVIII в. религия продолжает играть важную роль в жизни новоанглийского общества, при этом личная религиозность переживает упадок. Происходит размывание слоя «истинных пуритан», постепенно терявших контроль над религиозной ситуацией и общественной жизнью в Новой Англии и в этой обстановке стремившихся всеми силами оживить утрачиваемое религиозное чувство и свое влияние. Актуальным становится поиск новой аргументации для обоснования истинности христианского вероучения вплоть до доказательства существования самого Бога.

В этой связи личность и мировосприятие К. Мезера вызывает особый интерес, так как именно он одним из первых воспринял новую науку и философию, попытавшись использовать последние научные достижения для укрепления основ пуританской веры.

Вслед за В.Л. Паррингтоном, известным американским исследователем, который отрицательно оценивал деятельность отца и сына Мезеров, считая их «порождениями сумерек теократии, общавшимися с призраками прошлого» (6), многие исследователи стали рассматривать личность К. Мезера как некий стереотипный образ религиозного фанатика, жесткого приверженца ортодоксального пуританизма, слепо верующего в провиденциализм и особую священную миссию новоанглийских пуритан. Основаниями для подобной точки зрения стали активное участие К. Мезера в ведовских процессах, религиозная нетерпимость, а также политика в отношении церковной организации: стремление к централизации и установлению большего контроля над отдельными независимыми конгрегациями, что фактически означало бы нарушение основного принципа организации пуританских церквей – принцип конгрегационализма.

Однако, несмотря на все эти основания, идейное наследие К. Мезера не следует оценивать однозначно. Пуританский священник, негативно воспринимавший какие-либо нововведения в вопросах вероисповедания, стремившийся сохранить чистоту веры и оживить религиозное чувство путем установления большего контроля над церковной организацией и общественной жизнью колонии, вместе с тем активно интересовался естественными науками и внес определенный вклад в распространение сведений о новых знаниях и научных открытиях в Новом Свете.

Таким образом, К. Мезер представляется переходной фигурой, на примере которой возможно проследить, каким образом менялось мировоззрение

жителей новоанглийских колоний под влиянием новой науки и философии Просвещения.

Основная цель данной статьи заключается в рассмотрении взглядов К. Мезера на проблему взаимоотношения науки и религии, религиозного мировоззрения и научно-рационального стиля мышления.

В связи с этим необходимо обратиться к анализу научной деятельности К. Мезера, попытаться понять, какое место занимала наука в системе ценностей пуританского проповедника, и какое значение имела его научная деятельность для духовного и интеллектуального развития Новой Англии.

Анализу данного аспекта деятельности К. Мезера, напрямую связанного с его интересом к науке, в историографии уделяется значительно меньше внимания. При этом уже современники отмечали постоянное стремление к знаниям, присущее пуританскому священнику (7).

Более того, по словам Самюэля Мезера, сына Коттона, его отец иногда так сильно увлекался науками, что деятельность священника чуть было не отходила для него на второй план (8).

К. Мезер никогда не покидал Новую Англию, тем не менее его авторитет ученого был признан европейскими коллегами. Известно, что в 1710 г. университет Глазго присвоил ему докторскую степень, а в 1723 г. К. Мезер стал членом Лондонского королевского общества (9).

Пуританский священник состоял в активной переписке с рядом европейских ученых, что подтверждается не только сохранившимися текстами писем, но и его дневниковыми записями (10).

Известно, что в ноябре 1712 г. К. Мезер составил серию из тринадцати писем об естественнонаучных наблюдениях, проведенных в Новой Англии. Семь писем были адресованы Джону Вудворду (11), а другие шесть Ричарду Уоллеру (12). В 1714 г. отрывки из писем были опубликованы в одном из номеров научного журнала «Философские труды» (13), официального издания, выпускаемого Королевским обществом с марта 1665 г. По этому случаю К. Мезер написал в своем дневнике следующее: «Кажется, для меня наступил момент действовать и делать то, что велит мне Длань Всевышнего, чтобы Американская Библия стала известна миру» (14).

Свои письма, в которых говорится о необычных археологических находках на территории Новой Англии, уникальных североамериканских видах растений и животных, обычаях индейцев, а также различных природных явлениях К. Мезер назвал «Американской Библией» (15). Помимо таких относительно часто наблюдаемых явлений, как гром, молния, ураганы и землетрясения, священник описывает и более редкие природные аномалии. В частности, в одном из своих писем он рассказывает про паргелии, так называемые ложные солнца (16), которые ему посчастливилось наблюдать дважды в холодную погоду (17).

Следует отметить, что в описании своих наблюдений автор стремится к объективности, старается указывать только факты, не ссылаясь на сверхъес-

тественные силы. Однако, будучи известным и уважаемым в научных кругах, К. Мезер, как и любой деятель церкви того времени, воспринимал науку, прежде всего, как «служанку» теологии, инструмент, с помощью которого можно постичь Божий замысел. По словам священника, «философия – не враг, а удивительный и мощный стимул для религии» (18).

Иными словами, сами по себе новые знания не представляют для священника слишком большой ценности, его главная цель – использование научных знаний на благо религии. Подтверждением этому служит естественнонаучный труд К. Мезера – «Христианский философ. Собрание наилучших открытий в природе, снабженных религиозными усовершенствованиями» (19).

В работе, состоящей из тридцати двух глав, священник затрагивает вопросы астрономии, физики, зоологии, биологии и антропологии, ссылается на античных авторов, обращается к открытиям современников, иногда дополняя сведения о них своими наблюдениями, а также отмечает, как эти знания можно применить для прославления Господа, и именно в «демонстрации деяний прославленного Бога по созданию Мира» (20) он видит свою главную задачу.

По признанию самого автора, «Христианский философ» – компиляционный труд. Описывая новые научные открытия, К. Мезер постоянно ссылается на мнения европейских ученых, среди которых наибольшим авторитетом у священника пользуются Джон Рей (21) и Уильям Дерхам (22), признавая, что его собственным мыслям и наблюдениям отводится лишь малая часть, которая есть ни что иное, как попытка употребить научные знания в поддержку традиционных религиозных представлений (23).

Интересно, что английские ученые, на которых К. Мезер ссылается больше всего, были англичанами. Это дает основание говорить об определенной эволюции мировоззрения пуританского священника: несмотря на твердую приверженность ортодоксальному пуританизму, стремление священника к объективному знанию пересиливает религиозную нетерпимость.

Подобные работы, сочетающие в себе как научные знания, так и теологические рассуждения, в исследуемый период были довольно распространены. В Англии целый ряд ученых, среди которых Джон Рей и Уильям Дерхам, пытались дать интерпретацию ньютоновской физики (24) с теологической точки зрения.

Однако и для самого Исаака Ньютона проблема взаимоотношения веры и естественнонаучного знания играла далеко не последнюю роль. Согласно его учению, мироздание подобно механизму, законы функционирования отдельных частей которого выявляются путем индукции через наблюдение и эксперимент. Но откуда же берет начало система столь логично упорядоченная и узаконенная?

«Эта удивительная система Солнца, планет и комет могла появиться только по проекту премудрого и могущественного Существа...» (25), – пишет И. Ньютон. И это «Существо», по мнению ученого, «управляет всеми

вещами не как мировая душа, но господин всего; и благодаря этому управлению Его обычно называют Господь Бог Вседержитель» (26).

Таким образом, пытаясь соединить результаты своих научных исследований с суждениями философско-теологического порядка, Ньютон признает, что мир создан по единому плану Творца, но вместе с тем в его концептуальных построениях отсутствуют рассуждения о божественной воле. «Подобно слепому человеку, который не имеет представления о цветах, мы не имеем представления о том, каким образом всезнающий Господь воспринимает и понимает вещи» (27).

При этом принципиальная непознаваемость Бога, с точки зрения ньютоновской механики, ни в коей мере не препятствует научному познанию и не снижает степень истинности его результатов. В механистической картине мира Бог выступает в качестве разумного устроителя Вселенной. Он, подобно искусному мастеру, сконструировал ее механизм по определенным принципам и законам и привел его в движение. Далее вмешательство Бога в земные дела сводится к минимуму.

Схожих идей по данному вопросу придерживается и К. Мезер. Закономерное и логичное устройство мира служит для священника главным и едва ли не единственно необходимым доказательством существования Высшего начала. По словам К. Мезера, «работ по сотворению достаточно для убеждения разума любого человека в существовании Бога» (28).

При этом для К. Мезера Бог является не только «перводвигателем» (29) Вселенной, но и творцом всего живого, даже «отцом насекомых» (30). По мнению священника, между естественными и божественными законами нет противоречия. Мир, Вселенная представляет собой храм, построенный «Божественным Архитектором» (31).

Однако несмотря на попытки сформулировать теоретическое различие между наукой и верой, К. Мезер придерживается традиционного для пуританского вероучения представления о провиденциализме с присущей ему верой в чудеса и знамения, косвенное участие Бога в жизни колонистов, воздающего и карающего в случае несправедного поведения верующих (32).

Именно в человеческих пороках и грехах ему видится основная причина божьего гнева, посылающего на землю многочисленные страдания в виде войн, эпидемий, пожаров, природных аномалий и других бедствий.

Так, в проповеди «Современное положение Новой Англии», опубликованной в 1690 г., Коттон констатирует «отвратительное безразличие большинства людей» (33) и призывает к искоренению человеческих пороков. «Мы погружаемся в столь бедственное и опасное положение, в котором никогда еще ранее не находились» (34), – пишет автор.

В более поздних работах пуританский священник также не отказывается от этой мысли. В частности, в проповеди «Разумная религия, или демонстрация истин христианской веры», изданной в 1713 г., утверждается: «В мире происходят необычные явления, наряду с обычными, чтобы показать нам, что Бог

существует» (35). И даже землетрясение, произошедшее в Бостоне 19 ноября 1727 г., было воспринято им как предупреждение свыше (36).

Таким образом, К. Мезер стремился установить связь между естественнонаучными фактами и божественной волей, дать теологическую интерпретацию ньютоновской физике, поставив во главу угла принцип божественной обусловленности всех явлений в природе. Этот принцип в его представлении напрямую связывался с идеей предопределения судьбы и поиском божественного суждения о людских делах в особых знаках и природных явлениях.

Пример К. Мезера позволяет оценить, насколько постепенным и неоднозначным был переход от религиозного мировоззрения и мистицизма к рациональному мышлению. В мировоззрении пуританского священника понятие разума и рациональности играли не последнюю роль.

Применительно к данному периоду «рационализм» понимается, прежде всего, как вера в силу человеческого разума и разумность мира, основываясь на убеждении в том, что в мире есть установленная Богом закономерность, которую человек может понять, опираясь на свой разум. При этом пуританский священник оперирует такими понятиями, как «разумная религия», «философская религия» (37).

С одной стороны, религия, по мнению пуританского священника, безусловно нуждается в откровении, которое являет людям то, что выше их понимания, ограниченного их опытом, знаниями, способностями, однако, с другой стороны, религия должна была соответствовать законам разума.

В данном вопросе взгляды К. Мезера созвучны идеям Дж. Локка.

Английский философ не отрицает в христианстве ни сверхъестественных составляющих, ни таинств, а чудо, иначе называемое откровением, напротив, представляется его неотъемлемой частью.

По словам Дж. Локка, «каков предел могущества естественных действующих сил или существ, созданных богом, не могут раскрыть люди самого величайшего разума; но что оно не равно всемогуществу бога, это очевидно разуму каждого; так что высшая сила является ясным, а также надежным указателем божественного откровения, подтвержденного чудесами там, где они приводятся в качестве доказательства божественной миссии» (38).

Согласно Дж. Локку, к откровению нужно прислушиваться в вопросах, где разум не может судить или составляет вероятностное суждение.

При этом понятие веры в сверхъестественное и понятие разума как логического инструментария для познания природных явлений получают у Локка четкое разграничение. В одном из писем к Э. Стиллингфлиту, епископу Вустерскому, Дж. Локк утверждает, что «вера стоит сама по себе, на своих собственных основаниях. Она не может быть снята с этих оснований и помещена на основание познания... когда вера доведена до достоверности, она разрушается. Тогда это уже больше не вера, а знание» (39).

Происхождение таких философских понятий, как «вера» и «разум», по мнению К. Мезера, исходят из одного Божественного начала («Писание есть

Разум» (40), «Так как в мире есть Бог, есть и разум» (41)). По сути, речь идет о признании сакрального происхождения разумного познания. По словам пуританского священника, «люди не могут действовать разумно, если они не ведут религиозную жизнь, а грех, в свою очередь, приравнивается к глупости» (42).

Вместе с тем К. Мезер не абсолютизирует возможности человеческого разума, признавая, что некоторые вещи или явления могут быть неподвластны человеческому пониманию. В этом случае поможет вера, так как, выражаясь словами священника, «В Священном Писании нет ничего, что противоречило бы Разуму, однако есть что-то, что выше Разума» (43).

И Дж. Локк, и К. Мезер убеждены, что именно Бог наделяет человека разумом и устанавливает закон (44). В этой связи разум рассматривается, с одной стороны, как особая привилегия, Божий дар, но с другой стороны, как некое обязательство. «Голос Разума – это Глас Божий... Господь, вложивший в нас Разум, потребовал от нас подчинения разумным указаниям» (45).

Главное же различие во взглядах К. Мезера и Джона Локка сводится к вопросу о существовании так называемых «врожденных» идей. К. Мезер, в отличие от английского философа, убежден в существовании «врожденных» идей, которые он называет «принципами Разума» (46). По словам пуританского священника, «существуют определенные идеи, которые внесены Господом в человеческую душу... Нерационально и противоречит Писанию мнение о том, что в наших умах нет никаких идей, а только те, что получены извне путем наблюдения» (47). Именно эти идеи позволяют человеку выносить суждения о том, что истинно или ложно с научной точки зрения, что хорошо или плохо, а также верно или неверно с моральной точки зрения (48).

Кроме того, К. Мезер открыто выступает против деизма и атеизма, считая истинной лишь христианскую религию, все остальное – «ложный путь» (49). По словам священника, «нет ничего хуже, чем отрицать существование Бога... Вид творения должен восприниматься с соответствующим признанием прославленного Христа, в котором бессмертный сын Божий соединился с одним из его творений» (50).

При этом важно заметить, что данную точку зрения в той или иной степени разделяли многие мыслители того времени и, в частности, английские просветители. По словам И. Ньютона, «всеми признано, что всемогущий Бог обязательно существует... из Его праведного господства следует, что это живое, умное и сильное Существо; а из других Его совершенств – что Он вечен и бесконечен, всемогущ и всезнающ» (51).

Джон Локк, в свою очередь, утверждает, что «одинаково невозможно, чтобы существовало или мыслилось множество богов, как и то, чтобы вовсе не существовало бога» (52). И даже Джон Толанд, несмотря на четко выраженную деистическую позицию (53), убежден в том, что христианство – наиболее совершенная религия (54).

Таким образом, факт существования Бога как высшего совершенного начала и творца не подвергается сомнению. Вместе с тем К. Мезер не перестает обращать пристальное внимание на события, которые, по его мнению, являются знаковыми, свидетельствуя о божественном провидении.

Таким знаковым событием, например, можно считать исцеление больного, так как здоровье человека, по мнению К. Мезера, находится «в руках Господа» (55).

При этом священник уверен в практической пользе молитвы. Болезни же, по его мнению, есть ничто иное, как наказание, ниспосланное за грехи, и как свидетельство порочности человеческой натуры. Следовательно, нужно более заботиться о том, чтобы быть спасенным от греха, нежели от болезней (56).

В одной из своих проповедей, обращаясь к аудитории, большую часть которой составляли врачи, К. Мезер заявляет о том, что «ничто не является столь же противоестественным, как нерелигиозность» (57).

Однако несмотря на то что пуританский священник глубоко убежден в том, что религиозная вера имеет большое значение для успеха медицины, он не отрицает необходимость лечения и профилактики различных заболеваний, так как, по его мнению, никто иной, как сам Господь делает людей орудием спасения, наделяя знаниями о новых методах лечения (58).

К. Мезер серьезно интересовался медициной. Известно, что изначально он даже изучал ее в качестве альтернативы богослужению (59). А в 1721 г. принял активное участие в общественной жизни колонии, выступив с инициативой использования практики вакцинации для борьбы с оспой, после того, как в Бостоне были зафиксированы вспышки этого опасного заболевания.

В начале XVIII в. жителям Новой Англии все чаще приходилось сталкиваться с эпидемиями оспы, которые возникали в колониях с пугающей периодичностью. Основным методом для лечения оспы, как и большинства заболеваний, использовали кровопускание, однако это, в свою очередь, вело к еще большему ослаблению организма и увеличению вероятности смертельного исхода.

Вместе с тем предпринимались попытки остановить распространение инфекции, осуществлялись поиски средств, способных если не свести на нет, то хотя бы сократить число больных и заразившихся. Так, в 1701 г. было принято решение о создании специальных помещений для изоляции больных. Безусловно, использование карантина было необходимо, однако данная мера едва ли могла существенно улучшить положение. В 1721 г. жители Бостона столкнулись с седьмой крупной вспышкой эпидемии с момента основания колонии в 1630 г.

В этой ситуации К. Мезер обратился к врачам Бостона с предложением начать применять практику прививок для людей, еще не зараженных оспой, впервые услышав об успехах данной практики от своего слуги, привитого еще в Африке, а также изучив ряд работ, изданных Королевским Обществом (60).

К. Мезер подмечает одну важную особенность: наблюдения за больными показывают, что переболевшие оспой однажды едва ли заболевают вновь. Именно этот факт дал основание для использования вакцинации в качестве превентивной меры (61).

Следует отметить, что идея вакцинации, заключающаяся в занесении легких форм заболевания здоровым людям с целью выработки иммунитета к инфекции, не признавалась большинством европейских ученых того времени и никогда ранее не применялась в Америке (62). Бостонские врачи, а также большинство жителей Новой Англии настороженно относились к нововведениям в области медицины и врачевания.

К. Мезер посвятил отдельный труд описанию нового метода (63). Интересно, что издателем данной работы стал никто иной как Забдиэль Бойлстон – единственный бостонский врач, поддержавший смелую инициативу К. Мезера.

Вскоре реакцией на призывы пуританского священника применять практику вакцинации для борьбы с опасной инфекцией стало появление широкой оппозиции. Как пишет К. Мезер в своем дневнике 16 июля 1721 г.: «Я рассказал нашим врачам о новом методе, применяемом африканцами и азиатами с целью уменьшить опасности заболевания оспой... Дьявол, которого приводят в бешенство любые предложения, способные спасти жизни людей, имеет странную власть над людьми в этом случае. Они бредят, бранятся, богохульствуют... И не только врач, который начал эксперимент, но также и я являюсь объектом их ярости, неистового злословия и нападок» (64). Известно, что в ноябре 1721 г. была даже совершена попытка поджога дома К. Мезера (65).

Интересно отметить, что одним из наиболее распространенных аргументов против прививок было то, что они якобы ставят под сомнение необходимость людей полагаться во всем на Бога (66), и именно пуританскому священнику пришлось защищать медицинскую науку от подобных нападок. Новый метод профилактики и лечения оспы, по мнению К. Мезера, Божий дар и одновременно доказательство его милости (67).

Главный же тезис Коттона заключается в следующем: «Многие жизни могут быть сохранены, а также время и деньги... и здоровье города может быть быстро восстановлено» (68).

Таким образом, очевидно, что, в отличие от увлечения естественными науками, интерес К. Мезера к медицине носил более практический характер. Главная заслуга священника как научного деятеля видится в том, что, несмотря на жесткие религиозные убеждения, он был удивительно восприимчив к веяниям новой науки, будь то физика или медицина, дополняя ее божественной составляющей. Он одним из первых в Новой Англии воспринял научные открытия и своими естественнонаучными трудами способствовал распространению знаний о них в колонии. Священник пытался одновременно сохранить главное идейное зерно пуританской веры и приспособить к пуританской идеологии новые знания.

Применительно к Новой Англии, на первый взгляд может показаться, что идеи Европейского Просвещения, а именно: признание естественных законов, способности человека раскрыть секреты Вселенной, оптимизм в видении человека, – бросали вызов традиционной для новоанглийского пуританизма опоре на авторитеты, как в светских делах, так и в религии. Но у К. Мезера, как одного из наиболее авторитетных представителей пуританской ортодоксии, было на этот счет иное мнение.

В мировоззрении К. Мезера естественнонаучные знания не противостоят религиозным суждениям, а являются подтверждением истинности христианского вероучения и, в частности, служат доказательством существования Бога.

В его взглядах сочетаются, на первый взгляд, несочетаемые вещи – глубокая набожность и религиозность, твердая приверженность принципам ортодоксального пуританизма и вместе с тем неподдельный интерес к естественным наукам, новым открытиям, практической медицине. При этом мировосприятие священника со временем также претерпевает изменения, не случайно основная часть естественнонаучных трудов Коттона, как и активная научная деятельность, приходится уже на зрелые годы.

В этой связи можно говорить об определенной эволюции мировоззренческих представлений пуританского священника, уделявшего все большее внимание разуму, его приоритетной роли в познании, что, в свою очередь, является признаком рационального мышления. И все же понятие разума для К. Мезера было неотделимо от понятия веры. Путем наблюдений и разумных рассуждений, по мнению Коттона, можно приблизиться к Всевышнему, осознав Божественное благо.

Однако не следует забывать, что, несмотря на позитивную роль К. Мезера в подготовке почвы для распространения и восприятия в новоанглийских колониях сначала естественнонаучных открытий, а затем и основных мировоззренческих постулатов и идейных основ Европейского Просвещения, сам он видел главную цель в оживлении религиозного чувства среди жителей Новой Англии, а также укреплении позиций новоанглийского пуританизма как в религиозной, так и в общественно-политической сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Коттон Мезер родился в Бостоне в 1663 г., в 1678 г. окончил Гарвардский колледж, а в 1685 г. стал священником Второй церкви Бостона. К. Мезер является автором более четырехсот сочинений различных жанров, среди которых истории, биографии, басни, проповеди, философско-теологические трактаты, а также сочинения дидактического характера.
- (2) Проповедниками были оба деда К. Мезера – Джон Коттон (1584–1652), служивший в Первой церкви Бостона, и Ричард Мезер (1596–1669), проповедовавший в Первой церкви Дорчестера (Массачусетс). Отец Коттона Инкрис Мезер являлся священником Второй церкви Бостона, с 1685 по 1701 г. занимал пост президента Гарвардского колледжа, а с 1688 по 1692 г. находился с политической миссией в Анг-

- лии, целью которой было возвращение хартии Массачусетса, отмененной в 1684 г.
- (3) *Newton I.* Newton's Principia. The Mathematical Principles of Natural Philosophy. – N.Y., 1848. – P. 506–507.
 - (4) Джон Локк (1632–1704) – английский философ, ученый и общественный деятель.
 - (5) Джон Толанд (1670–1722) – английский писатель, философ. В 16 лет перешел из католицизма в протестантизм. Его главный философский труд – «Христианство без тайн, или Трактат, в котором показывается, что в Евангелии не содержится ничего противоречащего разуму или недоступного и что ни один догмат христианства не может быть назван непостижимой тайной в прямом смысле слова» (1696).
 - (6) *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. – М., 1962. – Т. 1. – С. 171.
 - (7) *Mather S.* The life of the Reverend and learned Cotton Mather, D.D. & F.R.S. late Pastor of the North Church in Boston. Who died, Feb. 13. 1727, 8. – Boston, 1729. – P. 3.
 - (8) *Ibid.* – P. 26.
 - (9) Лондонское королевское общество представляет собой научное общество, основанное 5 декабря 1660 г. и утвержденное в 1662 г. Королевской хартией.
 - (10) *Mather C.* Diary of Cotton Mather. – Vol. 1–2. – N. Y., 1957. – Vol. 2. – P. 283, 316, 582.
 - (11) Джон Вудворд (1665–1728) – английский ученый, натуралист, с 1693 г. – член Лондонского королевского общества.
 - (12) Ричард Уоллер (1660?–1715) – английский ученый, лингвист. С 1681 г. являлся членом Лондонского королевского общества, а в периоды с 1687–1709, 1710–1714 занимал там пост секретаря.
 - (13) *Mather C.* An Extact of Several Letters from Cotton Mather, D.D. to John Woodward, M.D. and Richard Waller, Esq; S.R. Secr. // Philosophical Transactions (1683–1775). – Vol. 29 (1714–1716). – P. 62–71.
 - (14) *Mather C.* Diary of Cotton Mather. – Vol. 1–2. – N.Y., 1957. – Vol. 2. – P. 283.
 - (15) *Mather C.* An Extact of Several Letters... – P. 62.
 - (16) Ложное солнце (паргелий) – оптический феномен, представляющий собой светлое круглое пятно на небесном своде по одну сторону или по обе стороны от солнечного диска; одна из форм гало.
 - (17) *Mather C.* An Extact of Several Letters... – P. 66.
 - (18) *Ibid.* – P. I.
 - (19) *Mather C.* The Christian Philosopher: a Collection of the Best Discoveries in Nature, with Religious Improvements. – L. 1721.
 - (20) *Ibid.* – P. 7.
 - (21) Джон Рей (1627–1705) – английский ученый, наиболее известен исследованиями в области биологии и зоологии.
 - (22) Уильям Дерхам (1657–1735) – английский исследователь и деятель церкви.
 - (23) *Mather C.* The Christian Philosopher... – P. 4.
 - (24) Физика имеет дело с природой, которая относится к «сотворенному бытию», при этом она охватывала не только неодушевленный мир, но всю природу в целом, включая небесные сферы, биологию, зоологию.
 - (25) *Newton I.* Newton's Principia... – P. 504.
 - (26) *Ibid.*
 - (27) *Ibid.* – P. 505–506.
 - (28) *Mather C.* The Christian Philosopher... – P. 15.

- (29) *Ibid.* – P. 11.
- (30) *Ibid.* – P. 27.
- (31) *Mather C.* Reasonable Religion: Or, the Truths of the Christian Religion Demonstrated. – L., 1713. – P. 2, 30.
- (32) *Mather C.* Essays to Do Good. – Glasgow, 1825. – P. 75.
- (33) *Mather C.* The Present State of New-England. – Boston, 1690. – P.23.
- (34) *Ibid.* – P. 33.
- (35) *Mather C.* Reasonable Religion... – P. 17.
- (36) *Mather C.* Diary of Cotton Mather. Vols. 1-2. – N. Y., 1957. – Vol. 2. – P. 789.
- (37) *Mather C.* The Christian Philosopher... – P. 1–8.
- (38) *Локк Дж.* Рассуждение о чудесах // Соч.: В 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – С. 620.
- (39) *Локк Дж.* Отрывки из трех писем Дж. Локка к К.Э. Стиллингфлиту, епископу Вустерскому // Соч.: В 3 т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 354.
- (40) *Mather C.* Reasonable Religion... – P. 40.
- (41) *Ibid.* – P. 18.
- (42) *Ibid.* – P. 8, 39.
- (43) *Ibid.* – P. 15.
- (44) *Locke J.* The Reasonableness of Christianity. – Lnd., 1824. – P. 157.
- (45) *Mather C.* A Man of Reason. A brief essay to demonstrate, that all men should hearken to reason; and what a world of evil would be prevented in the world, if men would once become so reasonable. – Boston, 1718. – P. 7.
- (46) *Mather C.* A Man of Reason... – P. 3–4.
- (47) *Ibid.* – P.3.
- (48) *Ibid.* – P. 4.
- (49) *Mather C.* Reasonable Religion... – P. 18–19.
- (50) *Mather C.* The Christian Philosopher... – P. 294, 299.
- (51) *Newton I.* Newton's Principia... – P. 505.
- (52) *Локк Дж.* Опыты о законе природы // Соч.: В 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – С. 34.
- (53) В соответствии с представлениями деизма движение мироздания подчиняется природным законам, а Бог, являясь первопричиной мира и творцом природы, покинул свое творение после его создания. По мнению Д. Толанда, вера должна быть помещена в границы разума, а все, что есть в религии полезного и необходимого, должно быть легко усвоено и созвучно знаниям.
- (54) *Toland J.* Christianity not Mysterious: or a Treatise showing, that there is nothing in the Gospel Contrary to Reason, nor above it. – L., 1702. – P. 170.
- (55) *Mather C.* Essays to Do Good. – Glasgow, 1825. – P. 153.
- (56) *Mather C.* The Angel of Bethesda. An Essay Upon the Common Maladies of Mankind. – Mass., 1972. – P. 8.
- (57) *Mather C.* Essays to Do Good. – Glasgow, 1825. – P. 148.
- (58) *Mather C.* The Angel of Bethesda... – P. 98.
- (59) *Beall O.T., Jr., Shryock R.H.* Cotton Mather. First Significant Figure in American Medicine. – Baltimore, 1954.
- (60) *Mather C.* Diary of Cotton Mather. Vols. 1-2. – N.Y., 1957. – Vol. 2. – P. 624.
- (61) *Mather C.* The Angel of Bethesda... – P. 97.
- (62) *Mather C.* Diary of Cotton Mather. – Vol. 1–2. – N.Y., 1957. – Vol. 2. – P. 620.
- (63) *Mather C.* Some accounts of what is said of inoculating or transplanting the small pox.

By the learned Dr. Emanuel Timonius, and Jacobus Pylarinus. – Boston, 1721.

(64) Ibid. – P. 631–632.

(65) Ibid. – P. 657–658.

(66) Boston News-Letter. – July 24–31, 1721.

(67) *Mather C.* Some accounts of what is said of inoculating... – P. 9.

(68) Ibid. – P. 14.

REASON AND BELIEFS: THE VIEWS OF COTTON MATHER ON THE RELATIONSHIP BETWEEN SCIENCE AND RELIGION

I.Y. Khruleva, E.S. Volkova

Department of Modern and Contemporary History
Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27-4, Moscow, Russia, 119992

The article deals with the history of New England at the end of the 17th and the beginning of the 18th centuries, when the ideological and intellectual climate was undergoing serious transformation under the influence of scientific and Enlightenment ideas. The authors analyze the views of Rev. Cotton Mather (1663–1728) on religion and science. The Puritan clergyman was one of the first in colonial America to understand the importance of scientific discoveries and to show that the new science and philosophy were an incentive to religion.

Key words: New England, Massachusetts, Puritanism, Cotton Mather (1663–1728), Enlightenment.